

Faruque O. Bangladeshi Expatriates in Britain. Dhaka-London: Nihal Publications, 2006.

Fyson N.L. Multi-Ethnic Britain. L.: Batsford Academic and Educational Ltd, 1984.

Gardner K., Shukur A. I'm Bengali, I'm Asian, and I'm living here. The changing identity of British Bengalis // R. Ballard (ed.), *Desh Pradesh. The South Asian Presence in Britain*, L.: Hurst and Company, 1995. P. 158–163.

National Secular Society <<http://www.secularism.org.uk/uploads/faith-schools.pdf>> (от 20.11.2012).

М. А. Родионов

ОЙКУМЕНА ЮЖНОЙ АРАВИИ

Центром культурной ойкумены Южной Аравии может считаться Хадрамаут, но как этнокультурный ареал он имеет только одну бесспорную границу — Аравийское море на юге. Даже северная граница, проходящая по пустыне Руб эль-Хали, понимается местными жителями по-разному. Для горожан Шибама, например, Хадрамаут заканчивается там, где начинается пустыня; для бедуинов эта граница подвижна и проницаема. Недаром до самого последнего времени на политических картах она часто не имела сплошной общепринятой маркировки. Культурные границы еще более условны, чем политические, и представление о них у хадрамитца во многом зависит от его этнокультурной самоидентификации, включающей локальное происхождение, стратовую принадлежность и уровень образования.

Хадрамаут разделяется на несколько частей, обладающих не только географическими, но и культурными особенностями: 1) побережье, 2) плоскогорье, 3) большая внутренняя долина (Вади Хадрамаут) с боковыми ответвлениями, а также 4) северные пустынные территории. На побережье с востока на запад расположены морские ворота — поселки ал-Хами, Кусай'ар и порт аш-Шихр, откуда местные капитаны водили парусные корабли в Индию;

порт ал-Мукалла, откуда многие зарубежные путешественники начинали трудный переход в Вади Хадрамаут через каменистые плато — территорию племен.

Достигнув одной из боковых долин, ведущих в Вади на юго-западе или юго-востоке, путник мог считать, что попал наконец в подлинный Хадрамаут. Но для оседлых хадрамитцев культурное ядро Хадрамаута составляют три главных города Вади — Шибам, Сейун, Тарим. Все остальное — периферия, ближняя («большой» Хадрамаут, включающий северные пустынные районы) или дальняя — сеть хадрамитских зарубежных общин от Египта, Судана и Восточной Африки, через Северо-Западную Индию до Явы (Индонезии), Сингапура и Тимора.

Несмотря на условность границ Хадрамаута как историко-культурной общности представление об этой общности свойственно каждому хадрамитцу. Попытки разделить единое целое на отдельные политические составляющие встречают стойкое неодобрение. Если общие границы культурного ареала условны, если он воспринимается как неделимое культурное целое, то территория каждого из племен Хадрамаута вполне конкретна. Попытки чужака самовольно нарушить племенные границы должны пресекаться делом и словом. Культурное пространство Хадрамаута не имеет единого центра, но представляет собой систему центров, которые можно назвать точками большей интенсивности культурной памяти, ее сгущения. Они редко совпадают с административными центрами. Вспомним, что историческая столица древнего Хадрамаута, Шабва, была расположена за пределами современной провинции — еще одно свидетельство подвижности культурных границ и эксцентричности данного историко-культурного ареала.

Культурный статус населенных пунктов и элементов природного ландшафта зависит в первую очередь от приписываемой им древности. Эту особенность культурной памяти хорошо понимал хадрамитский краевед Ба Матраф, неуклонно подчеркивавший в своих комментариях к трудам ал-Хамдани, что большинство деревень и городов, упомянутых средневековым историком, существуют в Хадрамауте по сей день [Ba Matraf 1981: 3, 6–7]. Каждый культурный микроареал имеет свои локальные места памяти и мемориальные комплексы. Это могила шейха или сайида, по-

читаемого как угодник Божий вали, или целый комплекс могил и деревянных мавзолеев, над которыми возведено глинобитное или — реже — каменное строение-кубба — место регулярных паломничеств [Родионов 1994: 120–121, 151–152, 162–166; Newton 2009: 10–101; Rodionov 2004: 307–312; Rodionov 2007: 125–135, 170–177; Rodionov 2010: 341–345].

Культурные ареалы всех уровней тяготеют к самодостаточности. На уровне микроареалов идет борьба за идентификацию локальных мест памяти, как, например, легендарного оплота киндитов — крепости Даммун, которую одни локализируют в центральном Вади близ Тарима, а другие — в Вади Дау‘ан — в ал-Гузе или ал-Хаджарайне [al-Saqqaf 2013 I: 4, 10–21; Родионов 1994: 46].

Помимо ближней периферии хадрамайцы издавна осваивали дальние края, прославившись предприимчивостью и смелостью. Их культурная ойкумена непредставима без Индии, Юго-Восточной Азии (Ява и Сингапур), Восточной Африки (Кения), Магриба, России (последняя отражена в устной прозаической традиции, а также в современных анекдотах, коротких рассказах и публицистике) [Родионов 2006а: 207–218; 2013: 23–30].

Народная этимология истолковывает топоним «Хадрамаут» как «пришла смерть» [Rodionov 2010: 341–344]; со смертью или глаголом «умереть» Хадрамаут рифмуется во множестве стихотворений и пословиц, например «От смерти бежал да в Хадрамаут попал» (см.: [al-‘Amiri 2001: 267]). Этот культурный ареал можно назвать ландшафтом жизни и смерти; по крайней мере именно таким изображает его локальная культурная память [Rodionov 2013: 168].

Жизнь связывается здесь с дождем, ниспосылаемым милостью Божией (рахма) по сезонам звездного календаря, а также с орошением [Погорельский 2010], обеспечивающим пропитание смертным. Люди получают жизненную силу (барака) от Божьих угодников (аулийа³), чьи могилы следует посещать, руководствуясь календарем паломничеств.

Смерть воспринимается как переход из круга этой жизни в жизнь последующую, осуществляемый через некую преграду — барзах (Коран 23: 102; 25: 55; 55: 20) — колодец на юго-востоке

Вади Хадрамаут близ могилы доисламского пророка Худа [al-Sabban 1998: 15–16 араб. паг.].

Движение в культурном пространстве Хадрамаута как ландшафте жизни и смерти — это прежде всего циркуляция влаги, оживляющей мертвую землю и на недолгий срок превращающей сухие русла-вади в быстротекущие реки. В сезоны дождей и дождевых потоков-сайлей здесь воспроизводится акт сотворения мира, изначально совершенный божественным глаголом. Все места посещений (ед.ч. мазар) и памяти в этом ландшафте так или иначе связаны с водой. Археологический материал и этнографические данные [Седов 2005: 109–174, 302–306; Zarins 2010; Rodionov 2010] позволяют утверждать, что символизм жизни, смерти и погребения играл в этом культурном пространстве ареалообразующую роль задолго до ислама, а сам ареал был гораздо шире Хадрамаута и включал Махру, Дофар, Сокотру, Мусандам и некоторые другие районы Юго-Восточной Аравии [Lancaster 2010; Newton 2010; Vasilkov 2013; Rodionov 2013].

Жизнь и смерть в культурном ландшафте Хадрамаута находятся во взаимодополнительных отношениях, они зависят друг от друга, граница между ними подвижна и проницаема, особенно для живительной влаги.

Индийские ритуалы вызывания дождя с их триадой «вода — семя — жизнь» [Васильков 2010: 138–153] сравнимы с южноаравийским представлением о рахме — милости божьей, даруемой через сайл, разрушительный и животворящий. При всем несходстве природных и культурных условий Хадрамаут сближают с Индией и муссонные ветры, несущие дождь, и представления о сакральной природе дождя, ниспосылаемого Богом, и связь небесного подателя дождя с земным правителем (ср.: [Васильков 2010: 143]). Отзвуками этого представления служит в Хадрамауте ритуальная охота на каменного козла, санкцию на которую, согласно исследованным нами документам [Rodionov, Schoenig 2011: 43–47], давал своим подданным султан ал-Касири еще в середине прошлого века.

В культурном ландшафте Хадрамаута могилы исламских праведников соседствуют с кенотафами доисламских пророков и развалинами древних городов, погубленных Богом. Вот почему

мотивы смерти так органичны для края (долины Хадрамаута — житница Южного Йемена) со сравнительно благоприятными условиями для занятий сельским хозяйством, торговлей и ремеслом. Внезапная смерть настигала здесь не бедных и страждущих, а надменных и богатых, отвергших увещевания пророков и за это уничтоженных Богом в назидание человечеству. Древние руины воспринимаются как бесспорные доказательства тщеты переходящей жизни [Rodionov 2007: 45–46; 2010: 341].

Почитание предков и визиты к их могилам издавна встречают резкую критику со стороны исламских радикалов, клеймящих паломников кличкой «могильщики». Локальные обряды посещения мемориалов служат предметом ожесточенной дискуссии с 20-х гг. прошлого века по наши дни. Однако и сторонники традиционного для Хадрамаута отношения к памяти предков, и их противники, выступающие за возвращение к строгим правилам первоначального ислама, надеются на личное воскрешение в будущей жизни. Поэтому правильнее было бы назвать культурное пространство Хадрамаута ландшафтом жизни-и-смерти и новой жизни, превращающим эту жизнь (ад-дунья) в жизнь будущую (ал-ахира).

При формировании культурного прошлого используются разные сочетания устных и письменных кодов. В Южной Аравии они связаны с тремя областями соционормативной культуры — обычным правом, декларируемыми генеалогиями и поэзией на разговорном языке [Родионов 2008: 145–152; 2009: 44–66]. Культурная память Южной Аравии строит свой универсум с помощью устно-письменной традиции, используя не только поэзию, но и другие формы арабской словесности. Касыды и поэтические фрагменты органически входят в прозаический текст, будь то местная хроника, биография или генеалогическое изыскание. Так, прозаический нарратив в путевом жанре рихла свободно сочетается и с житием-тарджамой, и с корпусом стихотворений-диваном. По существу, рихла (имеющая среди своих предков самый значимый травелог Аравийского моря — путешествия Синдбада) — это отчет о том, как герой осваивает культурное пространство. По общим законам, действующим и в смежных культурных ареалах [Родионов 1994: 134–154; Кириллина 2010], механизмы культурной памяти Южной Аравии конструируют свой универсум путем апроприации пространства-времени.

Для этого здесь используются следующие приемы артикуляции коллективной памяти: 1) обращение к назидательным примерам из коллективного прошлого — развалины былой гордыни, сокрушенные Божьим гневом народы и т.д.; 2) возвращение домой — как в легендарных историях самудян, киндитов или хадрабийских эмигрантов; 3) превращение чужого в свое; 3) преображение ада в рай — при устройстве безопасного анклава молитвы и торговли, при орошении мертвой земли.

Так хаос превращается в ойкумену, в ландшафт жизни-смерти-и-воскресения, сохраняемый культурной памятью.

В наши дни пластичность южноаравийской ойкумены подвергается критическим испытаниям, традиционный универсум рискует расколоться на отдельные фрагменты. С объединения Йемена и вплоть до наших дней происходит последовательное усиление племенной страты, опирающейся на собственные социальные институты, а не на общегосударственные структуры. Социально-политические процессы влияют на культурную память, меняя ее словарь и репертуар интерпретаций. Однако едва ли не большую роль в этих переменах играет техническая революция. Уже в 1960-е гг. дешевые кассетные магнитофоны начали менять соотношение устного и письменного кода — поэтические послания стали передаваться не в письменном виде, а путем обмена голосов, записанных на магнитную пленку, — то, что раньше вообще не подвергалось записи или было рассчитано на разовое исполнение, теперь сохранялось и могло быть воспроизведено снова и снова. Затем пришла эра мобильных телефонов, изменивших систему оповещения и мобилизации населения, прежде всего в племенах. «Зачем мне кинжал на поясе и автомат Калашникова за плечом? — говорил человек из племени ас-сай'ар, держа в руках запыленный мобильник. — Стоит мне нажать эту кнопку, как сюда приедет пять машин с пулеметами». И, наконец, в Хадрамаут пришло время доступного Интернета, социальных сетей, скайпа. Племена заводят свои сайты, любители древностей вывешивают в фэйсбуке старые фотографии, сделанные при англичанах, размещают стихи народных поэтов и клипы поэтических состязаний.

Все это не может не влиять на состояние локальной культурной памяти, среди хранителей которой все больше модернизированных носителей традиционной ментальности.

Уходящий на наших глазах в прошлое традиционный университет Хадрамаута требует срочных этнографических разысканий. Необходимо завершить изучение ал-Мишкаса, самобытного культурного микроареала в рамках Хадрамаута, начатое выдающимся краеведом ‘Абд ар-Рахманом ал-Маллахи (1936–2013), см.: [Родионов 1993; al-Mallahi 2001]. Его материал требует обработки, осмысления и дополнения на месте. Важные результаты может дать анализ духовных связей (обрядовая сфера, магия) между аш-Шихром и Гайл Ба Вазиром в зеркале народной поэзии. Ждет своих исследователей поэзия мореходов и рыбаков, фольклор населения Вади Хаджар — хаджуров и другие темы, показывающие, как локальная культурная память оживляет былое, преображая его в живую старину и живую современность.

Библиография

Васильков Я.В. Миф, ритуал и история в Махабхарате. СПб.: Европейский дом, 2010.

Кириллина С.А. Очарованные странники: арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М.: Ключ-С, 2010.

Погорельский П.И. Время без часов: деление светового дня при организации орошения в Гейл Ба Вазире (Хадрамаут, Йемен) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 42–47.

Родионов М.А. Племена ал-Мишкаса: ал-хумум и са‘ин // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 1. СПб., 1993. С. 60–75.

Родионов М. Этнография Западного Хадрамаута. Общее и особенное в этнической культуре. М.: Восточная лит-ра, 1994.

Родионов М.А. Запад и Восток в записках пешехода Василия // Россия, Запад и Мусульманский Восток в Новое время: Сб. статей. СПб.: Вост. ф-т СПбГУ, 1994а. С. 134–154.

Родионов М.А. Россия глазами арабов // Котин И.Ю., Родионов М.А., Царева Е.Г. Социум и окружающий мир в традициях Центральной, Южной и Юго-Западной Азии. СПб.: Наука, 2006. С. 201–219.

Родионов М.А. Аравийская племенная поэзия: от диалога к многоголосию // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 145–152.

Родионов М.А. Демоны слов на краю Аравии. Общество и стихотворство Хадрамаута. СПб.: Наука, 2009. (Kunstkamera Petropolitana).

Родионов М.А. Россия как инокультурный ареал в арабской традиции // *Всматриваясь друг в друга... Россия и арабский мир: взаимное восприятие: Сб. статей / Сост. Н.Г. Романова, И.М. Смилянская (отв. ред.), А.О. Филоник. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 23–31.*

Седов А.В. Древний Хадрамаут. Очерки археологии и нумизматики. М.: Вост. лит, 2005. (Труды российской археологической миссии в Республике Йемен. Т. III).

al-‘Āmirī Ḥasan Aḥmad b. Ṭālib. 2000 mathal min Ḥaramawt. Ṣana‘ā’ 2001.

Bā Maṭraf Muḥammad. Mulāḥazāt ‘alā mā dhakarahu al-Hamdānī ‘an jugrāfiyah Ḥaramawt. Aden, 1981.

Lancaster W., Lancaster F. Observations on death, burial, graves and graveyards at various location in Ra’s al-Khaimah Emirate, UAE, and Musandam wilayat, Oman, using local concerns // *Death and Burial in Arabia and Beyond. Multidisciplinary perspectives / Ed. by L. Weeks. BAR International Series 2107. 2010. P. 319–328 (Society for Arabian Studies Monographs. No. 10. Series editors D. Kennet & St. J. Simpson).*

al-Mallāḥī ‘Abd al-Raḥmān. Al-Dalālāt al-ijtimā’īya wa-l-lughawīyya wa-l-thaqāfiyya li-mahrijānāt khitān ṣubyān qabā’l al-mishqāṣ, tha‘īn wa-l-ḥumūm [Hadramawt, 2001].

Newton L.S. A Landscape of Pilgrimage and Trade in Wadi Masila, Yemen: al-Qisha and Qabr Hud in the Islamic Period (British Archaeological Reports series, 1899; Oxford: Archaeopress, 2009).

Rodionov M. Mashhad ‘Ali revisited: documents from Hadramawt // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. 2004. Vol. 34. P. 307–312.*

Rodionov M. The Western Hadramawt: Ethnographic Field Research, 1983–1991 // *Orientwissenschaftliches Hefte. OWZ der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Hft 24. 2007.*

Rodionov M. Wādī Ḥaramawt as a landscape of death and burial // *Death and Burial in Arabia and Beyond. Multidisciplinary perspectives / Ed. by L. Weeks. BAR International Series 2107. 2010. P. 341–345 (Society for Arabian Studies Monographs. No. 10. Series editors D. Kennet & St. J. Simpson).*

Rodionov M. Hadramaut in South Arabia: Continuation and/or Rupture of Commemorative Traditions // *Evolving humanity, emerging worlds. The 17th World Congress of the International Union of Anthropological and Ethnological Studies. University of Manchester, 5th — 10th August 2013. Manchester, 2013. P. 168.*

Rodionov M., Schoenig H. The Hadramawt Documents, 1904-51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Orient-Institut Beirut: Ergon, 2011 (Beirutese texte und Studien 130).

al-Ṣabbān ‘Abd al-Qādir. Visits and Customs. The Visit to the Tomb of the Prophet Hud. [Arabic text and] translation by Linda Boxberger and Awad Abdelrahim Abu Hulayqa. American Institute for Yemeni Studies. Yemen Translation Series. No. 2. Ardmore PA, 1998.

al-Saqqāf Abdallah b. Muḥammad. Ta’rīkh al-shu‘arā’ al- ḥaramīyīn. Al-Qāhira, 1353 / 1934–1935. T. 1–5.

Vassilkov Ya. Anthropomorphic stelae of South Arabia in the Eurasian context // Evolving humanity, emerging worlds. The 17th World Congress of the International Union of Anthropological and Ethnological Studies. University of Manchester, 5th — 10th August 2013. Manchester, 2013. P. 168.

Zarins Y. Funerary monuments of Southern Arabia: the Iron Age — early Islamic traditions // Death and Burial in Arabia and Beyond. Multidisciplinary perspectives / Ed. by L. Weeks. BAR International Series 2107. 2010. P. 225–236 (Society for Arabian Studies Monographs. No. 10. Series editors D. Kennet & St. J. Simpson).

А. К. Салмин

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ САВИРОВ

Исследователи считают предков чувашей савиров выходцами из Юго-Западной Сибири [Артамонов 1962: 69; Golden 1980: 34–36; Salmin 2013]. С.К. Патканов и М.И. Артамонов видели в них угров, которые позже были тюркизированы. Также полагают, что угры-савиры в Западной Сибири представляли собой значительное племенное объединение [Новосельцев 1990: 82]. В литературе они известны как *сывыры* (чуваш. *сăвӳр* «сурок», курд. *səworik* «белка»), имевшие жилища с земляными крышами. Южные остяки еще в конце XIX в. считали, что некоторые памятники древности принадлежали сеперским/сыбырским племенам. Например, кладбище в двух верстах от Пуштинских юрт Мало-Кондинской волости Тобольского округа [Патканов 1999: 11].

В кавказский период предков чувашей часто именовали гуннским племенем, гуннами из числа так называемых сабиоров или